

ГЛАВА XXI

Период бедствий

“Если бы не Господь был с нами... воды потопили бы нас, поток прошел бы над душою нашею... Благословен Господь, Который не дал нас в добычу зубам их!”

Пс. 123:1-6

Наша страна никогда не испытывала больших бедствий, чем в 1917—1922 годы. Эти бедствия прежде всего явились результатом начавшейся в 1914 году мировой войны, в ходе которой погибли миллионы людей и семьи лишились кормильцев, миллионы других были ранены и стали неспособными к трудовой деятельности, при общем истощении запасов пищи и одежды.

Постепенно нехватка продуктов, инфляция и другие невзгоды стали ощущаться всем населением России. Революция и гражданская война в свою очередь в огромной мере усугубили эти беды.

В 1920—21 гг. имел место сильный неурожай, вызвавший беспрецедентный голод. В соответствующее время об ужасах этого голода будет составлена полная картина. Число жертв вообще бы не поддавалось подсчетам, если бы в тот период не пришла помощь от щедрого американского народа через “Американскую ассоциацию помощи” (АРА). Не могу описать радость, которую мы испытывали, получая эти продуктовые посылки. Без преувеличения могу сказать, что АРА спасла миллионы людей от голодной смерти. Пережившие все это русские люди никогда не забудут братскую помощь американского народа.

Многие умерли от голода. Одной из первых жертв на моей памяти оказался профессор Гессегус, который был профессором в годы моей юности. Он буквально умер от голода в своей ленинградской квартире. Количество таких жертв было огромно. Многие погибли от отравления пищей в общественных столовых. В газетах того времени об этом подробно говорилось.

Сотни и тысячи бедных душ, не обладавших силой веры, не могли преодолеть ужасы тех дней. Все газеты были полны сообщениями о самоубийствах.

В то время я считал своим долгом помогать страждущим братьям и сестрам. Очень часто меня приглашали к больным тифом или холерой, и я приходил к ним, читал Слово Божие и молился. Хотя сам я также ослаб от недостатка пищи и находился в свою очередь в самом уязвимом состоянии для поражения инфекцией, поскольку больные тифом и холерой

часто ко мне прикасались, я не заразился ни от одного брата или сестры, которых посетил. Очень часто я вспоминал слова Пс. 90:5-7: "Не убоишься ужасов... язвы, ходящей в мраке... Падут подле тебя тысяча... но к тебе не приблизится". Написано прямо как обо мне! Да, то были ужасные годы. Вся Россия представлял собой одно гигантское кладбище, ибо смерть косила людей по всей нашей стране.

Однако евангельское движение не пошло на убыль, а подобно горчичному зерну разрослось чудесным образом.

Террор

К вышеназванным бедам я должен также присовокупить Террор! Политическая борьба различных партий с правящей партией была острой и напряженной. Стремясь нанести поражение своим противникам, большевики стали прибегать к откровенно террористическому правлению. Петроград и Москву разделили на сектора, и в каждом был создан чрезвычайный революционный трибунал. Такие же трибуналы были организованы по всей России во всех небольших городах и деревнях.

Сотни людей денно и ночью представляли перед этими должностными лицами. Освобождали небольшую часть, остальных направляли в тюрьмы, а многих тотчас расстреливали. Расстреливали арестованных иногда во дворах зданий, где заседали трибуналы, иногда арестованных отвозили за город по 100—200 человек. Людей доставляли в так называемую Петропавловскую крепость и расстреливали там с часа до двух часов ночи. Звуки выстрелов будили по ночам жителей соседних домов, и они содрогались от ужаса, зная причину пальбы и постоянно опасаясь, что им придется разделить судьбу приговоренных.

По улицам из дома в дом ходили группы солдат, арестовывая всех, кого считали подозрительными и отправляя их в трибуналы на расстрел. Не будет преувеличением сказать, что в течение трех лет, начиная с января 1918 года до конца февраля 1922 года, правящая партия в основном занималась террористическими актами.

Была поставлена цель физически уничтожить лидеров буржуазии, капитализма и всех влиятельных людей, которые могли симпатизировать старому режиму. Прекрасно известно, что однажды ночью тысячи офицеров были вывезены из Петербурга и утоплены по дороге в Кронштадт в Финском заливе. В это же время проходили суды и над православным духовенством, и некоторые из осужденных были расстреляны. Таким же путем

был уничтожен целый ряд аристократов и великих князей. В довершении всего в Екатеринбурге на Урале был расстрелян последний царь со своей семьей. В те жуткие времена каждое утро мы читали в газетах длинные списки тех, кто был расстрелян прошедшей ночью.

Многочисленные невинные жертвы

Согласно официальным данным, которые изо дня в день публиковались в советской печати, в 1917—1922 гг. было казнено в общей сложности около 1 800 000 человек, включая 28 архиепископов, 1400 священников и 8800 врачей. Иногда расстреливали за один раз целую группу лиц, как например, 5000 моряков, поднявших мятеж в Кронштадте.

С того времени по сей день вышеприведенные цифры необходимо удвоить. Кроме того не следует забывать, что о многих делах вообще не публиковалось, так что общие цифры должны быть еще выше.

Ложась спать, никто не был уверен, что доспит до утра и не будет взят среди ночи и расстрелян. Однажды прошел слух, что все священники, пасторы, проповедники и активные прихожане будут расстреляны.

Как-то вечером ко мне пришел один брат и сказал, что И.С.Проханов приговорен к расстрелу. В течение нескольких дней я ждал палачей, но они так и не пришли. В один из дней заговорили о том, что будут расстреляны все занимавшиеся торговлей и бизнесом. Никто толком ничего не знал и гоговились к худшему.

Многие не выдерживали постоянного террора и лишались разума. Психиатрические больницы были переполнены такими жертвами.

Моя доля в несчастьях: смерть жены

Условия жизни в Петрограде стали настолько нестерпимыми, что многие верующие нашей Евангельской церкви Петрограда уехали из столицы в деревню. Многие проповедники и религиозные лидеры также покинули город. Я получил приглашения от некоторых групп наших братьев с юга России уехать из Петрограда и переехать жить к ним, потому что у них было получше с питанием, а террор послабее. Некоторые из старейшин нашей церкви также советовали мне переехать на юг России.

На все подобные советы я отвечал: "Знаете, если тонет корабль, капитан покидает его последним. Я не могу уехать из

Петрограда, пока все наши бедствующие прихожане не окажутся в безопасности“.

Я решил отправить семью на юг, а сам остаться в Петрограде. 13 мая 1919 года моя жена с двумя мальчиками — Ярославом (17 лет) и Всеволодом (15 лет) вместе с миссис Милкерейт, принадлежавшей к нашей церкви, отправилась на юг. Конечным пунктом их путешествия был расположенный в Закавказье город Тифлис, где жили родители жены и продовольственное положение было лучше, чем в других губерниях России.

Они написали мне из Москвы о своих тревожениях, сообщив, что не смогли бы купить билеты, если бы с помощью одного друга не получили специальную бумагу от высокопоставленного правительственного чиновника. Затем — примерно 10 июня — они написали мне из Харькова, и с тех пор я ничего от них не получал и не слышал вплоть до октября того года. Я жил в постоянном напряжении, не исключая мысль о том, что моя жена и сыновья погибли, и не имея возможности узнать, что же случилось в действительности. Я продолжал служить оставшимся нашим верующим, но на душе было тяжело.

В ночь на 30 июля 1919 года после полуночи мне приснился страшный сон, который я никогда не забуду. Я видел во сне, что моя жена умирает — так ясно, как будто это было реальностью; я покрывал поцелуями ее лицо и горько плакал. Я проснулся в холодном поту, дрожа всем телом. Затем опустился на колени перед кроватью и стал молиться, не зная, что означает этот сон.

Утром я рассказал об этом сне своей служанке. Она сказала, что тоже видела во сне, что моя жена умирает в присутствии миссис Милкерейт, которая уехала вместе с ней. Это еще больше встревожило меня, но мне ничего не удалось узнать о своих близких. Вестей от них по-прежнему не было. Причина оказалась в том, что, достигнув Мелитополя, моя семья оказалась на территории, оккупированной “белой армией“ под командованием генерала Деникина. Армия Деникина продвигалась на север и вскоре оказалась всего в двухстах милях от Москвы в Орле. Ввиду условий гражданской войны с юга на север практически не доходили вести. В октябре того же года в Петроград с южного города прибыл один наш брат. Он приехал на свой собственный риск с целью установить духовное общение с петроградскими христианами.

Наконец приходят точные известия

Этот брат сказал мне: "Я слышал, что ваша жена умерла". Он не сумел привести никаких подробностей, и я не был убежден, было ли это правдой или вводившим в заблуждение слухом. Но в декабре того же года я получил от брата Ш. из Мелитополя открытку, в которой говорилось: "Ваша жена умерла во Владикавказе (моем родном кавказском городе) в ночь на 30 июля". Это была ночь, когда мне приснился ужасный сон о ее смерти.

Позднее я узнал подробности о смерти жены. Когда она прибыла в пограничную с Крымом южную губернию, то не могла продолжить путь, потому что железная дорога была либо занята военным транспортом, либо не функционировала. В этой провинции находились колонии немцев-меннонитов, эмигрировавших 140 лет тому назад из Польши и Германии. Новая секция меннонитского Братства была близка нам по учению и проповедям. Там жили мои добрые друзья и компаньоны по "Радуге".

Моя семья была приглашена жить вместе с ними. Мой старший сын Ярослав подхватил тиф и чуть не умер, но Бог сохранил ему жизнь. Когда в конце июля железная дорога заработала, моя семья направилась через Ростов-на-Дону на Кавказ. В день прибытия их во Владикавказ жена заболела азиатской холерой, самой тяжелой ее формой. Были приняты все меры, но ничего не помогло, и она умерла между тремя и четырьмя утра. Ее похоронили в этом городе в семейной могиле Прохановых.

К счастью, во Владикавказе, моем родном городе, по-прежнему жил мой родной брат Василий, и мои сыновья нашли приют в его доме. Миссис Милкерейт заменила им мать, но через несколько недель умерла и она. Спустя несколько месяцев из Тифлиса во Владикавказ приехала мать моей жены и забрала детей в Тифлис, где они оставались в течение длительного времени. Я не получал от них никаких вестей до Пасхи 1920 года.

Мои сыновья возвращаются в Петроград

Наконец они написали мне, что с ними все в порядке и что они хотели бы вернуться в Петроград, но не могут этого сделать ввиду сложившейся в результате гражданской войны ситуации. К 1921 году их желание возвратиться в Петроград стало непреодолимым, они предприняли героические попытки в этом направлении и к июлю того года их усилия увенчались успехом. Но к этому времени я уже сидел в тюрьме в Твери, о чем пишу

ниже. Можете вообразить себе ужасы тех дней и ночей, через которые я был вынужден пройти. Я был лишен свободы и не знал, что меня ждет, а сыновья были от меня далеко. Но в эти дни невзгод оптимизм веры по-прежнему помогал мне.

Ежедневно я повторял себе славные слова христианской мудрости: "Любящим Бога... все содействует ко благу" (Рим. 8:28). Я веровал и продолжал молиться.

Наконец Бог дал мне утешение в лице моих сыновей, которым Он помог вернуться в Петроград. Старший принял решение отправиться домой к отцу. Он рассказал трогательную историю своего путешествия. В то время железнодорожный транспорт работал очень плохо. Повсюду сновали бандиты и всякого рода жулики, продуктов не хватало. Сын часто был на грани гибели. Но несмотря на все трудности и испытания он добрался до Петрограда в рваной одежде и поношенной обуви и пришел к дверям нашей квартиры, которую я занимал после отъезда семьи на Кавказ годом ранее.

Сын получает обескураживающую вест

С дрожью в сердце стоял он у двери, надеясь через несколько минут увидеть отца. Он позвонил. Служанка, которую он не знал, открыла дверь. Он спросил:

— Отец дома?

Она ответила:

— Нет, ваш отец в тюрьме в Твери.

Тверь находится недалеко от Москвы, и он проезжал через нее, добираясь ко мне с юга. Можете вообразить себе нахлынувшую на него грусть вместо той радости, с которой он предвосхищал встречу со мной в конце своего утомительного путешествия и выпавших на его долю невзгод. Но он сумел написать мне. Я послал ответное письмо, и в конце концов он более или менее успокоился и смирился со своей несчастливой судьбой.

Через несколько недель после этого из Тифлиса выехал мой младший сын. Он не знал, где я, пока не приехал в Москву. Когда верующие сказали ему, что я нахожусь в Твери в трудовом лагере, он поспешил ко мне. Можно вообразить, что испытал этот юноша после потери матери и долгой разлуки с отцом, когда увидел меня через решетку лагерных ворот. Бедный мальчик! На долю обоих моих сыновей выпали тяжкие страдания в годину испытаний всей страны.

Видя страдания своих детей, я забывал о своих горестях и мыслях и молился за них. Таково отцовское сердце! Господь дал

мне большое утешение. Страдания приблизили моих сыновей к Богу. Когда, освободившись из тюрьмы, я вернулся в Петроград и возобновил работу, то возрадовался, увидев, с каким рвением они служат Богу.

Моя деятельность в этот период

Годы невзгод и испытаний создали очень трудные условия для работы. Моя квартира не отапливалась, и поэтому все пять комнат обледенели, лишь в кухне немного поддерживалось тепло. Я спал в комнате с замерзшими окнами в валенках, шубе и меховой шапке. Еда была скудной. Я питался сухарями, которые братья присылали мне с разных концов России. Чай я пил морковный, так как настоящего не было. Таков был мой завтрак, таковым был и ланч, и обед.

Каждый день я ожидал, что меня вновь арестуют и заберут или что я подхвачу какую-нибудь болезнь, как это случалось с тысячами других. Но я не прекращал работу ни на один день, не пропустил ни одного собрания, на котором должен был выступать.

По причине полуголодного существования я выглядел как скелет и настолько ослаб, что едва мог передвигаться. Дважды я падал на улице. Дважды на собрании во время проповеди я падал в обморок от истощения. Но оптимизм веры не покидал меня ни на минуту. Я непрестанно проповедовал Слово Божие, утешая народ Божий и призывая грешников к покаянию. Я по-прежнему навещал больных тифом и холерой. Я также старался помочь практическими делами нашим голодавшим братьям в Петрограде и Москве.

Я направлял письма в различные уголки России нашим братьям, жившим в деревнях, крестьянам, у которых было немного хлеба. Некоторые присылали мне почтой в посылках так называемые "сухари". Эти сухари не очень-то привлекательны для употребления в обычное время, но в тот период они казались деликатесом. Всем, что я получал, я делился с голодающими слугами церкви.

Попытки получить продовольствие из-за границы

Я также использовал все возможности для получения как можно больше помощи по линии "Американской ассоциации помощи" в виде посылок с продовольствием от наших друзей за границей. Скажу без преувеличений, что таким путем удалось спасти от голода и смерти многих верующих христиан и

служителей церкви. Моя цель заключалась в сохранении жизни активных церковных деятелей.

Поскольку правительство еще не ввело специальные запреты против христианской литературы, я обратился к западным христианским организациям с просьбой прислать нам Библии на русском языке. Через них мне удалось доставить в Петроград около 50 000 экземпляров Библии и Нового Завета и разослать их по всей России в наши группы и конгрегации. Однако вслед за этим ввоз Священных Писаний из-за рубежа был запрещен.

Все это время я вел переписку с группами и церквями и пытался удовлетворить их духовные потребности, направляя к ним миссионеров и проповедников. Таким путем мы способствовали миссионерской деятельности. Кроме того, несмотря на невероятные трудности я пытался организовывать созывы конференций. Такая конференция состоялась в Москве в 1918 году.

В 1919 году мы провели конференцию в Петрограде. Как раз в то время армия генерала Юденича окружила Петроград и казалось вот-вот захватит его. Мы слышали орудийные залпы, раздававшиеся с обеих сторон. В Петрограде было введено так называемое "осадное положение". Было запрещено появляться на улицах после шести часов вечера. Но мы стремились завершить работу конференции и поэтому заседали по ночам, предварительно поспав на скамьях в зале ожидания. Это была "конференция под канонаду и разрывы снарядов". В 1920 году мы провели в Москве объединенную конференцию совместно с русскими баптистами.

Преодолевая бесконечные трудности, когда все типографии были закрыты или вышли из строя, я сумел издать несколько экземпляров нашей газеты "Утренняя звезда".

В начале своей деятельности Советское правительство приняло ряд законов о земле. Смысл их заключался в том, что правительство даст землю не отдельным лицам, а ассоциациям и коллективам.

Организация сельскохозяйственных кооперативов

Наши братья-крестьяне обращались ко мне за советом и помощью. Я написал проект обязательных статуты для таких коллективов, которые мы назвали "Всеобщинной". Наши ассоциации приняли эти статуты, и правительство разрешило им иметь землю и использовать ее на той же основе, что и другим коллективам.

В Тверской губернии и в других местах стали возникать трудовые ассоциации под именами, взятыми из Нового Завета:

“Гефсимания”, “Вефиль” и другие. Эти евангельские сельскохозяйственные ассоциации завоевали в глазах советских должностных лиц высочайшую репутацию. Для юридического образования братьев я опубликовал брошюру “Республика и религия”, содержащую новые законы, относящиеся к религии. Когда слышались обвинения в нарушении этих законов, наши братья шли к советским властям с брошюрой в руках.

В некоторых местах советские должностные лица просили эту брошюру, а через некоторое время сами выпустили сборник, содержащий законы Республики, относящихся к религиозной деятельности.

Разумеется, переписка с нашей церковью относительно духовных вопросов, проповедей и т.п. все увеличивалась. Работа занимала все мое время. В условиях нехватки пищи, холода и всевозможных опасностей я ежедневно работал до часа или до двух часов ночи и несмотря на все испытания чувствовал себя счастливым и радостным в Господе.

Я был настолько поглощен этой огромной работой, что не заметил, что до предела изнурил и истощил себя. Но когда во время собрания со мной случился второй обморок, вызвали врача, и он сделал заключение, что я был слишком истощен, чтобы продолжать свой труд. Он заявил также, что если я еще потеряю в весе, то, скорее всего, умру! Поэтому он посоветовал мне уехать туда, где меня хорошо бы кормили и где я мог бы отдохнуть.

Наша трудовая ассоциация “Гефсимания”, расположенная в Тверской губернии, прислала мне приглашение приехать к ним и пожить с ними месяц. Время было зимнее.